

Сергей Арьков

Дева и дракон

18+

Сергей Арьков
Дева и дракон

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арьков С. А.

Дева и дракон / С. А. Арьков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Зомби-апокалипсис суров и беспощаден. Даже отважным рыцарям придется несладко, когда ужасный монстр объявит на них охоту.

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

1

Для своих двадцати семи лет Виталик выглядел слишком молодо. Настолько молодо, что его часто принимали за студента, а в особо тяжелых случаях за школьника-старшеклассника.

Он был долговязым, худеньким, и имел до того детское лицо, что тяготился по сему поводу комплексом неполноценности в легкой форме. Не то чтобы он считал себя каким-то ущербным, или имел на этой почве серьезные проблемы. По сути, он не имел и несерьезных. Но то, что происходит в реальности, и то, как воспринимает ту реальность каждый отдельный человек, не всегда совпадает. Вот и Виталику постоянно казалось, что из-за своей несолидной внешности все вокруг относятся к нему несколько снисходительно и несерьезно.

Удобрений под древо комплекса неполноценности успешно подбрасывали родители. Мать величала его исключительно прозвищами уменьшительно-ласкательного типа, вроде вот таких: зайчик, рыбка, солнышко и в том же тошнотворно-милом духе. По малолетству Виталик не обращал на это внимания, но когда любящая родительница продолжила дразнить его зайчиком и в двадцать пять, а потом и в двадцать шесть, это стало откровенно неприятно.

Пока мать сюсюкала и придумывала ему разнообразные прозвища, более подходящие котенку или щеночку, а не взрослому мужчине, с другого фланга в дело расшатывания личности вносил свою посильную лепту любящий отец.

Отец Виталика всю жизнь пытался соответствовать набору самых дремучих, давно перекочевавших в анекдоты и карикатуры, стереотипов о настоящем мужике. Казалось, он только для того и живет на свете, чтобы прослыть среди всех друзей и знакомых настоящим мужиком, и если бы вдруг однажды его безупречная мужицкая репутация оказалась порушена, отец тут же лег бы на диван и отдал богу душу, не видя причин для дальнейшего существования.

И повод для подобного поступка, как ему казалось, у него образовался. Этим поводом был сын.

Вполне очевидно, что сыном настоящего мужика может быть только еще один настоящий мужик. Но Виталик не соответствовал тем высоким стандартам, которые отец задал себе самому, а, следовательно, и своему потомку тоже. Вместо подходящих для настоящего мужика занятий он все время так и норовил осрамить и себя, и безупречную мужицкую репутацию отца. Еще в детстве он вел себя неправильно. Вместо того чтобы играть в футбол во дворе, сидел в своей комнате и старательно клеил модели военной техники. Виталику очень нравилось моделирование, это хобби буквально захватило его. Его не только увлекал сам процесс сборки модели, но и история, связанная с техникой, послужившей для нее прототипом. Он с упоением читал о немецких тяжелых танках, о броненосных крейсерах, поражаясь тому, насколько военное дело во все эпохи опережало свое время, выступая настоящим двигателем научно-технического прогресса. Казалось, что человечество тратило наибольшие усилия исключительно на создание средств уничтожения, а все остальное, гражданское, от архитектуры до машиностроения, было неким побочным продуктом, которого и вовсе не случилось бы, не знай род людской, что такое война, и не люби он так сильно это дело.

Но если для Виталика моделирование было захватывающим хобби, пробудившим в нем любовь к истории, и, в частности, к ее материальным проявлениям в виде военных машин, то для отца с первого дня увлечение сына представлялось чем-то ненормальным и даже постыдным. Настоящему мужику было ясно, как день, что двенадцатилетний мальчик, сидящий в комнате в погожий летний день и собирающий из разрозненных деталей игрушечные машинки, танки и кораблики, это что-то ненормальное. Глядя на это непотребство, отец возмущенно заявлял, что он в возрасте сына уже водил девок за гаражи с целью безопасного покрытия, а этот олух сидит и играет в игрушки. Срамота! Что скажут люди?

Отец был страшно обеспокоен тем, что скажут люди. Не все люди, конечно. Абы чье мнение его волновало слабо. Но только не мнение тех своих знакомых, кого он считал настоящими мужиками. Вот их-то мнением отец дорожил. И он не мог допустить, чтобы его друзья, настоящие мужики, начали судачить о том, что у него, эталонного настоящего мужика, что-то не то с сыном. Что его сын, страшно сказать, играет в машинки, словно малое дитя. Уж не отсталый ли он, часом? Или, может быть, все еще хуже? Вдруг вслед за машинками он начнет играть в куклы?

Допустить этого отец не мог, и он положил все силы на то, чтобы отвадить сына от его неподобающего хобби. Действовал довольно изощренно, избрав хитрую тактику постоянных насмешек. Какое-то время Виталик старательно делал вид, что не замечает обидных шуточек отца, но он замечал их, еще как замечал. И, в конце концов, ему и самому стало стыдно заниматься любимым делом. Стараниями настоящего мужика он утвердился в мысли, что моделирование является совершенно неподобающим занятием для мальчика, и если об этом станет известно его одноклассникам, те до выпускного вечера будут потешаться над ним.

Становиться объектом насмешек Виталик не хотел, да и слушать шуточки отца было все обиднее. И в один прекрасный день он взял старую сумку, сложил в нее все модели, которые красовались на полках в его комнате, даже свой любимый «Тигр», и отнес их в гараж. Больше он никогда не возвращался к моделированию. Он не охладел к этому занятию, и временами ему хотелось тайком собрать какой-нибудь танк или крейсер, но в голове его, при возникновении подобных мыслей, сразу же шелкал установленный стараниями отца блокиратор – моделирование для девочек. А он ведь не был девочкой. Нет, не был. Значит, надо выбросить из головы все эти глупости и делать только то, что положено мальчикам, твердо намеренным стать в будущем настоящими мужиками.

Это был лишь один случай из множества других, ему подобных. За что бы ни взялся Виталик, какое бы хобби он себе ни завел, оно, по экспертному мнению отца, неизбежно оказывалось неподходящим, неподобающим и сугубо девчачьим. У Виталика создалось впечатление, что мальчик, твердо намеренный выбиться в настоящие мужики, не должен заниматься вообще ничем, кроме пинания мяча во дворе или посещения какой-нибудь спортивной секции, притом избранная им спортивная дисциплина обязательно должна была связана с тем или иным мордобоем. Настоящий мужик обязан был уметь постоять за себя. Отец обожал вопрошать у сына, что тот станет делать, если на того в темной подворотне нападут хулиганы. И ладно бы, если нападут на одного. А если сын подвергнется нападению в компании своей девушки?

В ответ Виталик мялся и что-то бормотал, а отец, сурово нахмурившись, отвечал ему с видом вдохновенного пророка.

– Рожу тебе начистят, вот что будет, – говорил он таким безапелляционным тоном, будто это уже случилось, и притом неоднократно, и он точно знает, что сие повторится и в будущем.

Притом отца печалил не сам факт того, что сыновья рожу подвергнется воздействию хулиганских кулаков, а то, что это может произойти на глазах девушки отпрыска. По мнению отца, после такого позора сыну нечего будет и думать о том, чтобы когда-нибудь выбиться в настоящие мужики.

Наслушавшись грозных пророчеств пузатого Нострадамуса, Виталик записался в секцию каратэ. Отец настаивал на секции бокса, но тут, к счастью, воспротивилась мать, заявившая, что если ее лапочку будут каждый день лупить кулаками по голове, она этого решительно не переживет.

Каратист из Виталика не вышел, хотя секцию он честно посещал несколько лет. Но душа его не лежала к боевым искусствам. Чему-то его там, конечно, обучили, и он, наверное, сумел бы дать отпор парочке хулиганов в той самой подворотне. Но вот беда – он и хулиганы так никогда и не встретились. Виталик ходил по ночным улицам и один, и в компании девушек, но хулиганы, будто сговорившись, упорно не интересовались будущим настоящим мужиком.

Виталик вырос, окончил институт и устроился на работу. Он не клеил модельки, помнил парочку приемов каратэ, но до звания настоящего мужика он все еще был недотягиваемо далек. Отец продолжал насмехаться над ним и величать недотепой. И Виталик охотно соглашался с ним. Ну, разве он настоящий мужик? Нет, и еще раз нет. И это не только мнение отца. Так считают все вокруг. В лицо, конечно, не говорят, но они так думают – Виталик точно это знал. Верил в это.

Мысль о том, что он какой-то не такой, посаженная в детстве в виде крошечного семечка, вымахала, в итоге, в могучее древо. Это древо уже невозможно было ни срубить, ни выкорчевать, оставалось только смириться с ним и жить в тени его пышной кроны.

Не будь в его голове дерева неполноценности, Виталик, вероятно, никогда не оказался бы в «Детинце».

Туда он впервые попал благодаря своему случайному знакомому Костику, который впоследствии стал его лучшим другом. Познакомились они с Костиком случайно, разговорились о том и о сем, и Виталик, вдруг разоткровенничавшись, поведал о том, что в далеком детстве увлекался моделированием военной техники. Проболтался, и тут же испугался сам – а ну как новый знакомый сейчас поднимет его на смех? Дескать – ха-ха, моделирование-то, оно исключительно для девочек, а вовсе не для кандидатов в настоящие мужики.

Но Костик смеяться не стал, вместо чего признался, что и сам увлекался моделированием. А затем поведал о том, что это увлечение и привело его в клуб исторической реконструкции.

Оказавшись в «Детинце» Виталик словно впервые попал в дом родной. Вид старинных доспехов и оружия, старательно воспроизводимых по музейным экспонатам, а то и вовсе по гравюрам и фрескам, потряс его. Это было его любимое моделирование, только намного круче, потому что в «Детинце» не клеили пластиковые модельки танков и кораблей, а воссоздавали оружие и броню в их истинном виде. Это были не игрушки, не муляж, не бутафория. Доспехи были именно доспехами, оружие – оружием, а не театральным реквизитом. И, что самое главное, историческая реконструкция явно не была девчачьим делом.

Три года Виталик провел в «Детинце», и это были три самых счастливых года в его жизни. Отец поначалу ворчал, вновь заведя свой разговор о том, что сын играет с куклами, вместо того, чтобы постигать искусство становления настоящим мужиком. Но когда Виталик принес домой и показал родителю собственноручно изготовленный им меч, отец, повертев оружие в руках, уважительно кивнул и смягчился, признав тот факт, что сын его хоть и пропащий, но все же не безнадежный, и имеет некоторые шансы стать однажды настоящим мужиком.

Но Виталик уже не стремился к этой несбыточной цели. Все свободное время они с другом Костиком и прочими участниками клуба «Детинец» отдавались любимому делу. Многому пришлось учиться, много читать, осваивать новые, доселе неведомые, навыки. Первые изделия выходили отвратительного качества, но даже им Виталик радовался больше, чем всем своим детским моделькам танков и броненосцев. Постепенно кривизна рук пошла на убыль, и у него стало получаться все.

Это было счастливое время. Виталик радовался, что он нашел себя, нашел любимое дело, которому готов был посвятить всю свою жизнь. Работу он воспринимал как вынужденную каторгу, и посещал ее только ради денег. А настоящая его жизнь была в «Детинце».

Виталик хорошо помнил, как закончилась его прежняя жизнь. В отличие от большинства людей, предпочитавших не вспоминать конец света и первые, самые кошмарные, дни зомби-апокалипсиса, Виталик помнил все, до мельчайших деталей. И эти воспоминания, при всей их жути, не тяготили его. Он долго не мог понять, почему так, а потом сообразил – потому что для него погибший мир не был таким уж счастливым местом. Гибель цивилизации со всеми заведенными ею порядками потрясла Виталика своей грандиозностью, но не ввергла в скорбь. Конец света принес немало горя, но он, одновременно с этим, даровал кое-что, о чем прежде

приходилось лишь мечтать – свободу. И Виталик, оправившись от неизбежного шока первых недель зомби-апокалипсиса, пришел к выводу, который немного испугал даже его самого – новая жизнь, при всех ее странностях и опасностях, начинает ему нравиться.

2

Они разбили лагерь на опушке леса, в некотором удалении от стены деревьев. После целого дня в седлах долгожданный отдых у костра был сродни райскому блаженству. Они быстро поставили две большие палатки, собрали дрова в темнеющем рядом лесу, и вот уже в котлах закипела вода, суля скорую и долгожданную трапезу.

На опушке леса разбили лагерь немногие уцелевшие из клуба «Детинец». Хотя, немногие ли? Это как посмотреть. С одной стороны, немало их друзей и подруг либо превратились в живых мертвецов, либо же пали жертвами зомби. Но с другой стороны, и именно эту сторону призывал почаще рассматривать их лидер Ратибор, их уцелело целых восемь человек. Восемь! Восемь друзей, соратников. Кому еще так же повезло? Немногие уцелевшие были одиночками, охваченными страхом и недоверием ко всем, им тяжело было сбиться в сплоченный коллектив. А выжить одному в новом мире было очень непросто.

Их было восемь. Ратибор, которого, в действительности, звали, разумеется, иначе, был самым старшим из них, их предводителем, наставником и отцом. Ему уже перевалило за сорок, но, не смотря на это, в седле он держался лучше многих юнцов, спокойно выдерживал на лошади целый день, а под вечер не выглядел так, будто черти набили ему в ягодицы две дюжины гвоздей. Внешне он мало напоминал чудо-богатыря. И округлое брюшко и все четче проступающая плешь, не позволяли причислить его к великим воинам. Казалось, что этому дядьке самое место на диване у телевизора, а рукам его положено держать не меч или копье, а пульт и кружку пива.

Но видимость, в данном случае, была обманчива. Ратибор мог дать солидную фору молодым соратникам и в плане выносливости, и в умении владеть оружием.

Он был историком. Настоящим, а не любителем, как они все. Работал в школе, где преподавал. Но настоящая его жизнь была в «Детинце». Там обычный плешивый педагог превращался в великого воина Ратибора. И ведь действительно превращался. Потому что это была никакая не игра, и схватки реконструкторов порой заканчивались весьма серьезными травмами. Происходило это редко, все же люди старались не калечить друг друга, особенно с учетом того, что все они были друзьями и не питали взаимной ненависти. И, тем не менее, редкий поединок обходился без гематом и ушибов.

Еще двое из их отряда, Виталик и Костик, лучшие друзья, сумевшие пережить конец света вместе. Виталику казалось, что раз уж их дружба пережила зомби-апокалипсис, то переживет что угодно, любой катаклизм, любое бедствие. За друга Костика он готов был отдать жизнь, притом отдать в буквальном смысле, а не в том, который обычно вкладывают в это затертое выражение. И друг Костик готов был отдать жизнь за него. И оба они знали это.

Четвертым членом отряда был Мишка Гуд. Своим прозвищем он обзавелся из-за того, что был буквально помешан на луках. Казалось, он любит луки больше, чем отца с матерью, и это, возможно, было недалеко от истины. Что интересно, к прочему стрелковому оружию он относился равнодушно, даже арбалеты не вызывали в нем особого интереса. Но зато о луках он знал все. Он мог начать говорить о луках утром, и, не закрывая рта, излагать до глубокой ночи, но даже в этом случае он не вывалил бы на чужие уши и половины того, что знал. Луки были его страстью с детства. Он читал о них, он делал их – вначале простенькие и примитивные – изогнутая палка с натянутой веревкой, затем все более сложные и качественные. Он любил только те фильмы, в которых фигурировали лучники, это же касалось книг, комиксов и вообще всего.

Стрелял он отменно. С места, с лошади – не важно. Конечно, иногда промахивался. Но редко. В клубе он изготавливал старинные луки, но после конца света выбрал в качестве

оружия современное высокотехнологичное изделие. Оно было менее капризным, отличалось высокой надежностью и убойностью.

Пятым был Артур. И это было его настоящее имя. Правда, он терпеть не мог легендарного тезку и его волшебный меч, поскольку являлся страстным поклонником культуры викингов, и уважал исключительно топоры. Он часто сетовал, что родители ошиблись с выбором имени, и ему следовало быть не Артуром, а каким-нибудь Эриком.

Паша и Женя были любителями тяжелых лат и больших мечей. Виталику иной раз делалось дурно, когда он смотрел на этих ребят, основательно нагруженных металлом. Со стороны они напоминали двух ходячих танков, и хотя оба уверяли, что доспехи их не так тяжелы, как кажется, Виталику в это верилось с трудом. Сам он никогда не напялил бы на себя столько брони. Даже с учетом того, что она действительно отлично защищала от мертвецов. Он много раз наблюдал за тем, как Паша и Женя, закованные в свою железную скорлупу, шинкуют зомби своими огромными мечами. Ходячие трупы пытаются укусить их, но лишь ломают зубы о прочные доспехи.

Последний, и самый младший член их воинского коллектива, звался Петей. Ему было чуть за двадцать, и он пробыл в «Детинце» всего полгода. Многому за это время он не научился, но зато теперь, когда от боевых навыков напрямую зависела жизнь их группы, Ратибор каждый вечер тренировал Петю, а если они останавливались где-то на день, то тренировал весь день, так что под вечер паренек мог только лежать и вяло подавать признаки жизни. Но он не роптал, и никогда не просил сжалиться над ним. И это было правильно. Потому что время забав миновало. Миновала та эпоха, когда изготовление доспехов и рубка на тупых мечах были для них обычным хобби, средством побега от жизненной рутины. Теперь все изменилось. Со дня зомби-апокалипсиса началась новая эра – это прекрасно понимали все. Никто из них не питал иллюзий на тему того, что вскоре все наладится, что все мертвецы куда-то исчезнут, и жизнь потечет так же, как текла прежде. Нет, этого не будет. Не будет никакого возврата к старым временам и порядкам. Если и произойдут какие-то перемены, то лишь к худшему. Эти перемены были неизбежны. Со временем закончится вся еда, даже консервы и сухари либо испортятся, либо будут съедены. И тогда придется выживать исключительно охотой и собирательством. Люди неизбежно озвереют, в ходе естественного отбора уцелеют только те из них, кто готов на все ради выживания. В том числе, и убивать себе подобных без всякой жалости, в расчете на любую выгоду, даже на банку консервов или новые сапоги. Да и мертвецы ведь могут измениться. Сегодня они тупые и медлительные, но кто сказал, что они останутся таковыми навсегда? Не разовьют ли они в себе новых навыков и умений, что сделает их более опасными?

Все это произойдет или может произойти. И если их коллектив хотел выжить, им следовало быть готовыми к чему угодно.

Пока остальные занимались обустройством лагеря, Виталик и Костик отправились на объезд территории. Передвигались они на лошадях, не смотря на то, что в мире все еще оставалось много исправной техники и топлива для нее. Просто они как-то сразу для себя решили, что не будут связываться с автомобилями. Те могли подвести в самый ответственный момент, а никто из их компании не был силен в ремонте машин. Лошадь, конечно, тоже могла сломать ногу, или заболеть, но зато она имела одно неоспоримое преимущество. Как они выяснили, выяснили случайно, зомби совершенно не интересовались лошадьми. Если их атаковал всадник, они пытались схватить и укусить человека, но никогда лошадь. Это было странно и непонятно, поскольку, казалось бы – что то мясо, что это, но мертвецы, видимо, придерживались иного мнения.

К тому же лошади позволяли передвигаться по таким местам, где риск столкнуться с другими людьми был минимален. Выжившие в основном перемещались по дорогам, используя автотранспорт. А лошадь спокойно могла пройти там, где не проедет никакой автомобиль. Конечно, не все уцелевшие люди были злодеями, многие и них, напуганные и жалкие, просто

пытались сохранить свои шкуры. Но встречались и исключения. Всякие типы уцелели в ходе конца света, в том числе и такие, что способны были дать фору мертвецам в плане жестокости и кошмарности. Виталик и его соратники знали об этом не понаслышке. Как-то их коллектив столкнулся с парочкой конченных отморожков, и тогда только значительный численный перевес да прозорливость Ратибора помогли им разделаться с негодяями без жертв среди своих. С тех пор они держались в стороне от дорог, стараясь не нарываться на неприятности.

Все свое имущество, такое как палатки, запас пищи и медикаментов, они везли на небольшой повозке, запряженной парой медлительных тяжеловозов. Иногда она застревала на бездорожье, но восемь взрослых мужиков легко вытаскивали повозку откуда угодно.

В отличие от большинства выживших людей, что мотались по миру бесцельно, движимые одним стремлением – протянуть еще немного, у их группы был четкий план. Разработал его Ратибор. Замысел его состоял в том, чтобы подыскать подходящее место, и осесть там, основав колонию, которую затем можно было бы пополнять другими людьми. Но придумать это было проще, чем исполнить. Уже четыре месяца они бродили по свету, а так и не нашли подходящего места. И это было неудивительно. Ведь место это должно было отвечать целому ряду требований. Во-первых, там уже должно было находиться готовое укрепление, большое кирпичное здание, например, желательное в несколько этажей. Во-вторых, это наличие поблизости источника воды, притом как питьевой, то есть колодец или колонка, так и воды для бытовых нужд, то есть река или озеро. В третьих, земля вокруг их нового дома должна быть пригодна для выращивания различных сельскохозяйственных культур, потому что все время мотаться на поиски пищи за тридевять земель будет и трудно, и накладно, да и пища эта однажды кончится.

Ну и еще ряд факторов, таких, к примеру, как удаленность колонии от населенных пунктов и автотрасс, пригодность для эффективной обороны и тому подобное. Ратибор много знал о средневековых крепостях, и говорил, что им необходимо что-то в таком же духе.

Но пока что все это было не более чем мечтой. За четыре месяца они не нашли ни одного места, которое хотя бы с натяжкой подходило им для основания колонии. Всегда что-то было не так. Что-то, да не соответствовало требованиям. Но они не теряли надежды, что однажды им повезет.

Ратибор любил рассказывать им, что с таких, как они, начнется возрождение человеческой цивилизации. Одиночки не сумеют возродить ее, они всецело увлечены исключительно выживанием, и ни на что другое времени у них не остается. Человечество может возродиться только за крепкими стенами, под защитой умелых воинов. И если у их дружины есть шанс поучаствовать в этом благородном деле, пренебрегать им было бы преступно.

Но найдут ли они когда-нибудь подходящее место? Создадут ли колонию, куда смогут приходить люди и оставаться там навсегда, чтобы заново налаживать разрушенную концом света жизнь? На эти вопросы Виталик ответа не знал. Иногда, слушая вдохновенные речи Ратибора, ему казалось, что у них все получится, что все это будет нетрудно сделать. А в другое время наваливалось отчаяние, и он осознавал, насколько они далеки от осуществления своих смелых замыслов.

– О чем задумался? – спросил Костик.

Виталик вздрогнул и посмотрел на друга.

– Да так, ни о чем, – ответил он.

Они ехали рядом. Лошади едва плелись, то и дело порываясь остановиться и пощипать травки.

У них уже давно установился обычай объезжать место ночевки большим кругом, дабы наверняка убедиться, что поблизости не бродит какой-нибудь зомби-непоседа, который может наведаться в лагерь посреди ночи. Но сегодня они как-то увлеклись, и отъехали от стоянки так далеко, что та скрылась из виду. Надо было возвращаться. Виталик подумал о горячей каше с тушенкой, и его рот наполнился слюной. В этот день они толком не пообедали, так, закинулись

сухарями, не вылезая из седел, и он возлагал большие надежды на ужин. Сегодня кашеварил сам Ратибор, а он просто не умел готовить плохо.

– Куда это нас унесло? – спросил Виталик, глядя по сторонам.

– Загулялись, – усмехнувшись, признал Костик.

Тут он на что-то пристально уставился, даже привстав на стременах. Виталик быстро спросил:

– Что там?

– Кажется, какая-то деревня, – неуверенно ответил друг. – Вон там.

И он рукой указал направление.

Виталик выудил из седельной сумки бинокль и поднес его к глазам. Да, Костик не ошибся. Действительно, деревня. И немаленькая. Но тревожиться по этому поводу не стоило. Населенный пункт был довольно далеко от их лагеря, и им едва ли стоило опасаться тамошних зомби.

– Подъедем ближе? – предложил Костик. Парнем он был хорошим, и отличным другом, но уж больно любил рисковать там, где не надо.

– Незачем, – ответил ему Виталик. – Еще не хватало попасться на глаза мертвецам и притащить их за собой. Поехали лучше обратно. Я с утра о каше мечтаю.

– А я мечтаю о девчонках, – поделился Костик.

– Не сыпь на рану, – взмолился Виталик, который тоже весьма интенсивно мечтал о девчонках.

Костик засмеялся.

– Да не горюй, – посоветовал он. – Еще встретим их. Не все же они вымерли. Ладно, едем в лагерь. Девчонок нет, хоть кашей утешимся.

Они уже разворачивали лошадей, когда до их слуха, со стороны деревни, донесся сухой щелчок выстрела. А за ним еще три. Виталик вздрогнул, лошадь под ним беспокойно заплясала, словно ей передалось волнение всадника.

Они с Костиком переглянулись. А затем, не обменявшись ни словом, пустили лошадей в галоп и помчались в сторону деревни.

3

Машка изо всех сил мечтала о большой и чистой любви.

На самом деле, она уже согласна была и на не самую большую, и даже не на самую чистую любовь, лишь бы та скорее подъехала и осчастливила. Потому что от ужасной мысли, что красота, молодость и сексуальность медленно проходят, перегорая вхолостую, хотелось кричать и биться в истерику. Это было несправедливо, что она, вся такая вот такая, вынуждена существовать в состоянии отвратительного целомудрия. Возможно, это состояние было приемлемо для неких благочестивых дев, твердо нацелившихся на попадание в число святых, или для страхолюдин, ни в ком не возбуждающих ни малейшего полового интереса. Но применительно к себе Машка считала непорочное бытие верхом противоестественности.

С того момента, как на всей планете грянул зомби-апокалипсис, уже прошло четыре месяца. Поначалу было как-то не до личной жизни, все силы уходило на то, чтобы сохранить жизнь обычную. Но вот прошел месяц, а Машку не съели. Прошел второй, а даже ни разу не куснули. За ним третий, а следом и четвертый. Новые реалии за то время уже успели основательно приесться. Зомби уже не вызвали дикого ужаса и омерзения такой силы, что оно грозило опрокинуть в обморок. Восприниматься они стали как некая естественная часть окружающего пейзажа. Дескать, вон дерево, вон лужа, вон ворона на заборе, а вон основательно протухший дядя Гриша бродит по улице и вынюхивает свежее мясо. И хоть мертвецы были все так же опасны, исходящая от них угроза перестала восприниматься как нечто экстраординарное. Да, зомби, да, кусаются. Держаться от них следует подальше, если дорожишь бытием земным. Но и только.

Как только ужас и растерянность, сопровождавшие конец света, отступили, сменившись пониманием, что мир хоть и сильно изменился, но вовсе не рухнул в преисподнюю, Машке вновь захотелось большой и чистой любви. Ну, просто кроме нее и хотеть-то стало нечего. До зомби-апокалипсиса Машка много чего хотела – шубу там, колечки, цепочки, красивую красную машинку, чтобы какой-нибудь одержимый неумемной щедростью господин свозил ее на престижный курорт, чем впоследствии она могла бы хвастаться перед исходящими на зависть подругами. Но теперь все эти мечтания утратили свою актуальность. Шубами она могла хоть в три слоя обложиться – заходи в магазин и бери их хоть все, притом даром. Ювелирные украшения как-то в одночасье превратились из статусных предметов в просто бесполезный металл и разноцветный щебень. С машинами тоже не было проблем – врывайся в любой автосалон и выбирай все, что хочешь. Да и на престижный курорт уже как-то не тянуло, поскольку все Машкины подружки дружно вымерли, и хвастаться удачной поездкой в компании неистово щедрого господина стало не перед кем.

Новая жизнь стала проще, во всех смыслах. Нынче в цене были еда, оружие и топливо, притом еда стояла на первом месте. В прежней жизни Машкины ухажеры дарили ей букеты роз. Вздумай кто-нибудь поухаживать за ней сейчас, он бы пришел на свидание не с букетом совершенно несъедобных растений, а с авоськой, набитой консервами.

Машка не имела ничего против замены роз тушенкой – романтика постапокалипсиса сурова. Но проблема заключалась в том, что никто не приглашал ее на свидание, никто не дарил ей букеты консервов, никто не пытался за ней ухаживать. Машка готова была смириться с тем, что прежний мир погиб, но с тем, что из-за этого гадского конца света она проведет остаток жизни в отвратительном одиночестве, она мириться не желала.

– Машка? Машка! Машка!!!

Девушка вздрогнула, и ее взгляд, затуманенный мечтаниями о романтическом ужине при свечах, плавно перетекающем в неистовое совокупление, медленно прояснился. Она обнару-

жила, что сидит за ветхим столом в какой-то грязной, заваленной пылью и дохлыми тараканами, лачуге. Сквозь окна снаружи пробивался солнечный свет.

– Ты что, уснула? – сердито спросил Цент.

– Да слушаю я, слушаю, – не демонстрируя ни малейшей заинтересованности, протянула Машка.

– А я вижу, что не слушаешь, – возразил Цент. – Я вижу, что в облаках витаешь. Не время мечтаньям отдаваться. Нам предстоит серьезное дело.

Машка не была согласна с бывшим рэкетиром. Зачем вообще нужна такая жизнь, если большая и чистая любовь не может случиться с ней даже в мечтах. Ради чего все это выживание, каждодневный риск с целью добычи пропитания?

Они втроем сидели за столом в какой-то хибаре, стоящей далеко на отшибе деревни. Здесь было безопасно. Осмотр местности сквозь оптику выявил, что все мертвецы, обитающие в поселке, сконцентрированы возле здания сельпо. Цент пытался сосчитать их, но все три раза сбивался. Зомби было прилично. Голов сорок, может, даже все шестьдесят. Плюс еще какое-то количество, сидящее по домам. Всего можно было смело рассчитывать нарваться в этой деревне на полторы-две сотни ходячих и кусачих покойников.

В другой ситуации Цент и не подумал бы соваться в деревню, сулящую несомненные неприятности. Но в данном случае было одно обстоятельство, заставившее его поступиться принципами. Причиной, пробудившей в Центе интерес, был грузовик с продуктами, стоящий возле сельпо. Грузовик, в котором просто обязаны были находиться и консервы, и пиво, и сухарики. Если им удастся завладеть грузовиком, они надолго обеспечат себя продовольствием.

На самом деле, категорической необходимости в завладении грузовиком с припасами не было. Они не голодали, у них в автомобиле имелся вполне приличный запас продовольствия. Но патологически жадный до еды Цент просто не мог пройти мимо столь ценного трофея. Стоило ему только представить, что все, находящиеся в кузове грузовика продукты, достанутся не ему, а кому-то другому, как делалось дурно. Цент скорее готов был сжечь грузовик со всей продукцией, чем допустить, чтобы этот ценный приз попал в руки третьим лицам.

Ох уж эти третьи лица. Как же Цент их ненавидел. Третьи лица, так и норовящие присвоить и пожрать все самое вкусное. Бессовестные третьи лица. С каким бы удовольствием Цент собрал бы все эти лица в одном месте, и бил бы их прямо по лицам, да ногами, ногами. Ненасытные утробы, не имеющие ничего святого. Цент затруднялся сказать, кто рождает в нем большую неприязнь – зомби или другие выжившие люди. Зомби, конечно, были ужасны, отвратительны, воняли мертвечиной и периодически пытались его покусать. Но они, по крайней мере, не покушались на тушенку и сухарики. А вот живые люди покушались, еще как покушались. А потому он просто не мог бросить грузовик с продуктами на произвол судьбы. Не присвой он его, и он неминуемо достанется конкурентам. И осознавать это было невыносимо.

– Машка, не отвлекайся, – повторил Цент. – Я излагаю свой план, и тебе нужно его слушать. Иначе как поймешь, что должна делать?

– Да слушаю я, слушаю, – безрадостно протянула Машка, и покосилась на Владика. Тот тоже сидел за столом с угрюмым видом, и старательно изображал заинтересованность речами Цента.

Но выражение лица выдавало его. Вся эта затея с захватом грузовика мало волновала Владика. В отличие от Машки, которая немного погоревала о погибшем мире, и смирилась, он так и не смог оправиться от грандиозной трагедии, постигшей все человечество. В его голове так и не сформировалось осознание того, что тот дикий хаос, что он наблюдал вокруг себя последние четыре месяца, и есть новая норма жизни, и так теперь будет всегда. Владик такой нормы не хотел. Он хотел, чтобы все стало так, как раньше. И когда до него доходило, что как раньше уже никогда не станет, ему хотелось наложить на себя руки. Стоило вспомнить о том, что он больше никогда не сможет поиграть в свои любимые игры, и взгляд заволакивала

предсмертная пелена, а пульс начинал биться все тише и медленнее, постепенно затухая, как пламя гаснущей свечи.

Владик очень тяжело переживал конец света. Возможно, ему было бы чуть легче, не находясь рядом Цент. Но тот был рядом, и делал все возможное, чтобы превратить жизнь несчастного программиста в настоящий полноценный ад.

Изучив обстановку через бинокль, Цент пришел к выводу, что спасти грузовик с продуктами возможно. Был, конечно, риск, но нынешняя жизнь была рискованной во всех своих проявлениях. Каждый поход за продуктами оборачивался спецоперацией, и мог окончиться жертвами. Цент считал, что риск допустим, особенно, когда на кону стоят консервы. И особенно, когда рисковать собираешься не собой.

– Итак, вот что я предлагаю, – заговорил Цент, тыча пальцем в поверхность стола. Там, на столешнице, он соорудил схему будущей операции. Из камешков, обломков древесины и спичек создал макет деревни. Машка, присмотревшись к творчеству бывшего уголовника, пришла к выводу, что это макет какой-то другой деревни. Потому что на ту деревню, куда они собирались храбро ворваться, дабы вырвать продовольствие из лап чудовищ, это нагромождение щебня и палок не было похоже ничуть.

– Что является залогом успеха в столкновении с превосходящими силами противника? – спросил Цент.

– Осторожность? – предположила Машка.

– Прокачка? – угрюмо произнес Владик.

– Хитрость, – поправил их Цент. – Хитрость, вот что дарует нам победу. Мертвецов больше, но мы сильнее интеллектуально.

Он покосился на безрадостного Владика, и уточнил:

– Я, во всяком случае.

Цент вновь обратился к своей карте.

– Вот как мы поступим, – сказал он. – Мы используем отвлекающий маневр.

После этих слов Владик невольно вздрогнул. Он очень хорошо знал, что такое отвлекающий маневр, поскольку ему многократно приходилось осуществлять его. По воле злобного изверга он выманивал зомби на себя, и пока те гонялись за несчастным программистом, Цент и Машка обчищали очередной магазин.

Недобрые предчувствия овладели Владиком. Он начал догадываться, кому уготована участь смертника и в этот раз.

Как выяснилось, угадал верно.

– Рядовой Владик, – обратился к нему Цент, – тебе поручается ответственное задание. Ты готов выполнить его любой ценой?

Из печальных глаз Владика покатались слезы отчаяния. Что-то подсказывало ему, что именно сегодня он не сумеет убежать от мертвецов. Чудовища неминуемо настигнут его, и разорвут на куски. Съедят заживо.

– Да не кукуйся ты! – приказал Цент, ободряюще двинув Владика кулаком в плечо, отчего тот слетел со стула и растянулся на полу. – Я выдам тебе транспорт.

В измученной душе Владика затеплилась надежда, что сегодня он, возможно, не умрет. Если Цент позволит ему отправиться на задание на автомобиле, это значительно увеличит его шансы на выживание.

– Теперь ты, Машка, – обратился Цент к девушке. – Не все зомби могут заинтересоваться очкариком, поэтому остальных отвлечешь на себя ты.

– Ладно, – равнодушно ответила Машка, вновь замечтавшись о прекрасном принце.

– Ну а я, – закончил распределять роли Цент, – храбро вбегаю в очищенную вами деревню, завожу грузовик и отгоняю его в безопасное место. Все просто.

– А если грузовик не заведется? – спросила Машка.

– Я об этом думал, – кивнул головой Цент. – Если это произойдет, придется отступить и спланировать новую операцию. Не с первой, так со второй попытки, но тушенку мы спасем.

– У нас ведь и так полно еды, – как бы между делом напомнила Машка.

– И? – зло глядя на нее, уточнил Цент.

– Ну, зачем нам, в таком случае, еще припасы?

– Зачем припасы? – взорвался бывший рэкетир. – Зачем, спрашиваешь, припасы? Да потому что харчи, это тебе не золотые слитки. Харчи съедаются. А у нас, к тому же, они съедаются с какой-то умопомрачительной скоростью. Не понимаю, в чем причина. Сам я умерен в еде, кормлюсь малыми порциями, во всем себя ограничивая.

– Я тоже не обжора, – сообщила Машка.

– Тогда кто виноват в том, что наши запасы провизии тают, как снег под весенним солнцем? Кто тот неистовый живоглот, чьими стараниями мы не успеваем добывать провизию, как она тотчас же исчезает?

И Цент обрушил на Владика страшный взгляд. Программист невольно съежился, осознав, что на него, горемычного, опять собираются повесить обвинения во всех смертных грехах. Точнее, в одном – чревоугодии. Но в глазах жадного Цента этот грех был страшнее всех прочих вместе взятых.

– Да, так и есть, – произнес Цент страшным голосом. – В нашем дружном коллективе завелся безудержный пожиратель. И мы все знаем, кто он.

Уж Владик-то знал. Этим пожирателем являлся Цент. Ни до, ни после зомби-апокалипсиса программисту не доводилось видеть человека, питавшегося так же обильно и расточительно, как выходец из девяностых.

– Мне тяжело это говорить, но я боюсь, что придется принять решительные меры, – произнес Цент, не отрывая от Владика своего злобного взгляда. – Преступному обжорству пора положить конец.

Владик всхлипнул, пытаясь представить себе, какая кара ждет его. Цент зашьет ему рот? Зашьет еще что-нибудь? Выбьет половину зубов? Выбьет и вторую?

Что бы там ни затевал изверг из девяностых, Владик твердо знал, что ему следует готовиться к худшему. Потому что ничего иного в этом мире для него не осталось.

4

В том, что все пошло не по плану, Владик Цента не винил. Ну, разве что чуть-чуть. Самую малость. Винить его в полную силу было страшновато. Ведь если бы изверг из девяностых заметил на лице своего мальчика для битья осуждающее выражение, для того все обернулось бы еще большими страданиями. А Владик этого не хотел. В тот день он так исстрадался досыта.

То, что придуманный Центом план не является удачным, Владик осознал в тот самый момент, когда бывший рэкетир презентовал ему его транспорт. Тот самый, верхом на котором он должен был отвлечь на себя большую часть обитающих в деревне мертвецов.

Не веря своим глазам, Владик с немым ужасом взирал на небольшой старый велосипед, предназначенный скорее для подростка, чем для взрослого мужчины, пусть и мужчины субтильного, худенького и невысокого, на чьем лице бугрились алые следы навеки затянувшегося переходного возраста.

Велосипед был стар. Его местами погнутую раму покрывали пятна ржавчины, а кривые колеса при езде выписывали лихие восьмерки. Дерматин, обтягивающий седло, был дыряв во многих местах, и, глядя сквозь него можно было видеть ржавую провисшую цепь. Оба колеса были спущены, притом на заднем из них отсутствовала даже шина. Остался только металлический обод. Руль стоял не вертикально к линии движения, а был повернут под каким-то удивительным углом. Довершала картину надпись, которую чья-то вредливая рука начертала на треснутом стекле фары, прикрепленной к раме ржавым болтом. Надпись состояла из одного слова, а то всего из трех букв. Но говорили они о многом.

– Что это? – дрогнувшим голосом спросил Владик, указывая на кусок ржавого железа, который язык не поворачивался назвать велосипедом. Он надеялся, что это очередная несмешная шутка хохмача Цента.

– Твой байк, – ответил Цент, и толкнул велосипед в сторону Владика. Тот поймал технику, и слезы заструились по его щекам. Ехать на этом хламе в толпу зомби было равносильно тому, чтобы с разбега запрыгнуть щучкой в доменную печь.

– Я не смогу, – прошептал Владик, и в глазах его застыл искренний ужас.

– В чем проблема? – нахмурился Цент. – Я тебе даю велосипед. От мертвецов можно даже пешком убежать, а уж на велосипеде и подавно. Просто крути педали и наслаждайся жизнью.

Владик вновь опустил взгляд на предложенный ему транспорт. Нет, это был не велосипед. Это был зомби-велосипед, который умер много лет назад, но так и не понял этого.

– Он же сломан, – попытался объяснить Владик.

Цент тоже посмотрел на велосипед.

– Да нет, – пожал плечами он, – вполне себе рабочий велик. Ну, ржавый немного. Подумаешь! Он ржавый, ты прыщавый. У всех свои недостатки.

Владик вновь открыл рот, намереваясь донести до изверга очевидную мысль, что ехать на этой рухляди невозможно, но Цент его опередил.

– Выбирай, – предложил он, – либо велосипед, либо пешком.

– Велосипед! – выпалил Владик, пока Цент не выбрал за него.

Пешком, и Владик знал это точно, он от зомби не убежит. Особенно на открытой местности, где негде спрятаться или укрыться от плотоядной нечисти. Велосипед давал хоть какой-то шанс, призрачный, но шанс.

Свою задачу Владик усвоил четко. Она состояла в попытке изошренного суицида. Верхом на древнем велосипеде он должен был проехать сквозь деревню, собрать всех мертвецов и увести их за собой. Куда – не важно. Хоть в землю обетованную, хоть по тому адресу, что красовался на стекле велосипедной фары. Лишь бы прочь из деревни.

– Сильно не гони, – напутствовал его Цент. – Если зомби отстанут, они прекратят преследование. Держи небольшую дистанцию, метров в десять. Можешь их поддразнивать своим визгом.

Владик не попадал кивал головой, лицо его было белее мела. Машки с ними не было, девушка уже отбыла на свою позицию, готовясь отвлечь на себя тех мертвецов, что не погонятся за велосипедистом.

– Ну, Владик, с богом, – пожелал ему удачи Цент. – Если вдруг что, то знай – я буду скучать.

Владик поверил извергу. Конечно, он будет скучать. Скучать по терзаниям и пыткам, которые устраивал несчастному программисту, наслаждаясь чужими страданиями.

Оседлав велосипед, Владик оттолкнулся от земли и поставил ноги на педали. Вся конструкция под ним скрипела, громыхла и вибрировала – на колесах не было шин, которые создавали амортизирующий эффект, и Владик своей пятой точкой чувствовал каждый камешек, каждую кочку, каждую ямку на своем пути. Очень, очень хорошо чувствовал. Седло было в его зад с такой силой, что у программиста непрерывно лязгали челюсти. Он напоминал обезумевшего шелкунчика, который зачем-то оседлал велосипед и несся по плохой деревенской дороге навстречу неминуемой смерти. Ну, то есть, как – несся? Нестись на этом чуде техники было в принципе невозможно. Все скоростные рекорды этого велосипеда остались в далеком прошлом. Владик просто ехал, ехал примерно с той же скоростью, с какой мог бы бежать. И он уже видел впереди серые тела живых мертвецов, бродящих по центру деревни вокруг единственного на весь населенный пункт магазинчика.

Тут Владик попытался набрать скорость, прекрасно понимая, что если проедет мимо мертвецов недостаточно быстро, те могут успеть схватить его и повалить на землю. Он начал яростно крутить педали, ржавый механизм выл и стонал. Седло неистово колотило его по ягодицам.

Зомби заметили его. И тут же, словно по команде, двинулись на добычу, замогильно рыча и выставив перед собой трясущиеся руки. Владик видел, что он несется прямо навстречу верной смерти. Стал выворачивать руль, одновременно с этим еще быстрее вращая педали, и вдруг те провернулись с поразительной легкостью. Владик не сразу понял, что случилось. Лишь крутанув педали раз десять, он осознал – у его велосипеда соскочила цепь.

Теперь он не мог ни увеличить скорость, ни затормозить. Владик катился прямо на мертвецов, подпрыгивая на кочках и дергая кривой руль, который поворачивал велосипед куда угодно, только не туда, куда нужно. Владик понял, что сейчас он погибнет лютой смертью, но тут его велосипед наскочил голым колесом на особо крупную кочку, его подбросило в воздух, и ветхое седло соскочило с крепления в тот момент, когда Владик на мгновение оторвал от него свой зад. Увы, но программист не заметил этого. Не заметил, и резко опустил пятую точку обратно.

От резкой боли у страдальца потемнело в глазах. Владик не сразу понял, что произошло. Вначале подумал, что какой-то мертвец догнал его, и впился в зад гнилыми зубами. Затем до пульсирующего болью сознания дошло – он водрузил сам себя на металлическую трубу рамы.

Крича от боли, насаженный на кол Владик катился по неуправляемой траектории. Когда дернул руль в очередной раз, тот просто оторвался от рамы и остался у него в руках. Владик тупо продолжал цепляться за него и дергать из стороны в сторону. Но продлилось это безумие недолго. На следующей же кочке у велосипеда отлетело заднее колесо, и Владик грохнулся на твердую землю. Боль была страшной – отбил локти, раскровенил нос, ноги запутались в раме велосипеда, и он едва не переломал их при падении. Плюс к этому, чудовищно болела задница, пережившая частичное водружение на кол.

И все же, забыв о боли и полученных травмах, Владик не позволил себе залеживаться. Монстры уже наступали на него со всех сторон. Он поднялся и, прихрамывая, побежал, а зомби стекались со всей деревни и включались в процесс преследования.

За всем этим с безопасного расстояния наблюдал Цент. С неодобрением он отметил, что безответственный программист опять испортил все дело. Вдребезги поломал выданный ему велосипед, да еще и сам едва не стал жертвой мертвецов.

Впрочем, пусть и с накладками, но Владик выполнил свою часть плана. Убежал, и увел за собой всех деревенских зомби. Как надолго программисту хватит сил, Цента не волновало. Он считал, что если во Владике пробудится могучий инстинкт самосохранения, то тот выживет. Ну а если инстинкт продолжит сладко спать, то туда ему и дорога.

Инстинкт-то во Владике пробудился, еще как пробудился. С инстинктом у него проблем не было. А вот с чем у него действительно были серьезные проблемы, так это с физической подготовкой.

Он бежал по деревенской дороге, не помня себя от ужаса. Стесанные о гравий локти пылали огнем, отбитые о раму ноги так и норовили предательски подломиться. Но наибольший дискомфорт доставлял сокрушенный о железную трубу зад. Владик начал казаться, что все это было заранее спланировано Центом. Он нарочно сделал так, чтобы велосипед, развалившись под всадником, нанес тому наибольшие повреждения. В идеале, как думал Владик, велосипед должен был лишить его жизни. И ему это почти удалось. Насадись он на трубу сильнее, так бы он на ней и остался.

Владик оглянулся через плечо, и увидел толпу загробной сельской нежити, наступающую ему на пятки. Впереди уже виднелся край деревни, а за ним протянулись поля, на которых не было ни одного укрытия или убежища.

Владик стиснул зубы, и ускорил бег. Его единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы скрыться с глаз мертвецов. Только в этом случае они прекратят преследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.